

СЧАСТЛИВЫЕ РОМАНЫ

ОЛЕГ РОЙ

*Одно чудесное
пари*

Москва
2022

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р65

Оформление серии *Е. Куликовой*

Редактор серии *А. Самофалова*

Рой, Олег.

Р65 Одно чудесное пари : роман / Олег Рой. — Москва : Эксмо, 2022. — 384 с.

ISBN 978-5-04-167904-0 (Счастливые романы)

ISBN 978-5-699-86939-8 (Капризы и странности судьбы)

Прекрасной Маргарите во что бы то ни стало нужно вернуть бывшее расположение отца. Ради этого она соглашается на пари – полгода поработать на стройке по своей специальности «Дизайн жилых помещений». Но московская стройка – это не лондонское дизайн-бюро! И первое столкновение с прорабом выбивает почву из-под ног капризной красотки. «Бежать отсюда!» – главная мысль Маргариты. «Беги отсюда!» – главное пожелание строителей. Но обещание отцу дано, и как-то совсем не хочется в который раз убеждать родителя в своей абсолютной жизненной непригодности!

УДК 821.161.1-31

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-167904-0
ISBN 978-5-699-86939-8

© О. Рой, 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

*Памяти моего сына Женечки
посвящается*

Глава первая

Будни «БилдСтроя»

Главный девиз двадцать первого века состоит всего из трех слов. И звучит он так: **НЕРВЫ НАДО БЕРЕЧЬ**. В наше бешеное стремительное время без устойчивой нервной системы вообще никуда. Примерно так же, как без мобильного телефона и Интернета. Будешь принимать близко к сердцу все, что происходит вокруг, станешь сильно переживать даже из-за значимых вещей, не говоря уже о пустяках — гарантированно сломаешься. Просто не выдержишь, сойдешь с дистанции, не доберешься до победного финиша.

Разных методик и техник для восстановления душевной гармонии и сохранения психологического равновесия за всю историю человечества было придумано очень много, причем одна авторитетнее другой, но Михаил Викторович Еремин, солидный человек, глава строительной компании «БилдСтрой», для укрепления своей нервной системы прибегал к весьма нехитрым практикам. По его глубокому убеждению, они действовали ничуть не хуже модных еще во времена его молодости упражнений аутотренинга, мудреных восточных медитаций, которыми все так

увлекаются в наши дни, и прочих заковыристых штучек. «Метод Еремина» заключался всего лишь в том, что несколько раз в день он напоминал сам себе какую-нибудь простую, но вечную житейскую истину. Например: «Не зацикливайся на проблемах и увидишь, что вокруг полно куда более интересных вещей».

Взять те же автомобильные пробки. Жуткие заторы на шоссе, машины, ползущие с черепашьей скоростью, невыносимо долгое ожидание и непомерно растягивающееся время дороги, когда на путь, который в нормальных условиях можно проделать минут за пятнадцать, нужно потратить часы... Однако и то, что пробки тебя жутко бесят, и то, что из-за них ты теряешь время и нервы, всюду опаздываешь и ничего не успеваешь, — все это дело второе. А первое дело заключается в том, что от них в Москве все равно никуда не деться. Как от холодного ноябрьского дождя, жгучего январского мороза или июльского невыносимого асфальтового зноя. А значит — нечего без толку кипятиться, поминутно смотреть на часы, проклинать перегруженные узкие улицы, нерасторопных дэпэзсников и наглых водителей, норовящих подрезать тебя при каждом удобном и неудобном случае. Надо взять себя в руки, спокойно отрешиться от всего внешнего и обратить данное досадное обстоятельство себе во благо. Ведь только ты можешь построить своими руками то, что не под силу даже спроектировать кому-то другому.

Так что Михаил Викторович всегда стремился извлечь максимальную пользу из тех тягостных минут, что выпадали ему на долю, когда он вяло двигался в своей машине по улицам столицы.

Ну как бы он еще выкроил время в своем непростом графике, чтобы просмотреть новости в Интернете, позвонить туда и сюда, поторопить подрядчиков и поставщиков, просмотреть текущие документы, набросать планы на следующий квартал? А тут, коли уж застрял в непробиваемой пробке — сиди и работай себе на нетбуке. Или сделай еще массу полезных дел. Например, закажи цветы для жены Ирины — так сказать, «упреждающий букет». Вечером у Еремина намечалась встреча в ресторане. Закончится она наверняка поздно, и он вернется домой навеселе. Так что лучше подстраховаться, принять, как говорит его юрисконсульт, превентивные меры. Именно так Михаил и поступил. Набрал номер цветочного магазина, договорился с милой девушкой о букете, после чего нажал кнопку отбоя и обратился к водителю:

— Какие прогнозы? Долго нам еще ехать?

— К утру точно доберемся, Михал Викторович! — попытался сострить водитель, но вышло неважно. Он и сам это понял и поторопился спасти положение, спешно добавив: — Нам, главное, сейчас до перекрестка дотянуть, а там, глядишь, поживее пойдет.

Михаил рассеянно посмотрел в окно. Впереди машины, слева машины, справа, позади... Может, Москва и не резиновая, но пока еще достаточно эластична. Кряхтит, но впускает всех вновь прибывших, дает каждому кров и пищу, а желающим и работу. Именно по этой причине Еремин, в отличие от многих столичных жителей, не только не был против «понаехавших», но даже наоборот — всячески приветствовал политику гастарбайтерства. И правда, кто бы у него на объектах работал, если бы не приез-

жие? Столичные жители сейчас капризные стали, на работу, где необходим физический труд, их калачом не заманишь. Не смущала Еремина и другая проблема, на которую жаловались многие коллеги, — теснота в городе. «Вы еще скажите спасибо, что у нас не как в средневековом Париже или Мадриде, — усмехаясь, говорил им Михаил. — Когда с соседом из дома напротив через окно за руку здоровались. Вот тогда действительно было тесно, а сейчас — простор, высота, размах!» И он действительно так думал. Только бы построить еще хорошие дороги, да чтоб в несколько уровней... Тогда и пробок не станет, и можно будет всюду успевать. Как раньше, еще лет десять-пятнадцать назад, когда он выезжал из дома в восемь утра — и добирался до офиса вовремя и без всяких приключений. А сейчас все, прикрыли лавочку. Еще и половины восьмого нет, а машины уже прочно стоят...

На стекло автомобиля опустился залетевший откуда-то желтый лист и почему-то напомнил об отрывных календарях, какие были в далекие времена детства. Еремин усмехнулся: только по таким знакам природы и замечаешь иногда, что уже осень на дворе. А то ведь вся жизнь так проходит — из офиса в машину, со стройплощадки на деловую встречу, время меряешь только графиком сдачи объектов. Или НЕсдачи, что весьма неприятно, потому как случаи за всю его жизнь, когда строительство укладывалось в срок, можно было по пальцам пересчитать. Вот теперь об этом болела голова. Особенно беспокоила многоэтажка в Вешняковском проезде, имевшая все шансы попасть в категорию «долгострой». Мириться с этим Еремин, конечно, не собирался,

он никогда не уставал повторять: «Всегда стремись к тому, чтобы владеть ситуацией, а не идти у нее на поводу». Но ведь не от него одного все зависит...

На объекте в Вешняках Еремин был вчера вечером, посмотрел на заметную уже издалека серую бетонную коробку, высоко, словно толстая свечка, вздымавшуюся над старыми домами. Строители почему-то окрестили здание «Неваляшкой», и с их легкой руки название подхватили и местные жители. Почему, собственно, «Неваляшка», а не как-то иначе, никто толком понять не мог, но вот поди ж ты — сорвалось словцо у кого-то с языка, да и прижилось. Впрочем, так нередко бывает.

«Неваляшка» смотрелась пока еще довольно страшновато. Развороченная строительная площадка вокруг серого остова будущего здания, обшарпанные синие бытовки. Рев моторов, грохот работающей техники... И повсюду, куда ни упадет взгляд, — горы строительного мусора. Впрочем, стройка чуть ли не до самого последнего своего этапа — зрелище вообще малоприглядное. И всегда непростое испытание для людей, живущих с ней по соседству. Никаких тебе положительных эмоций, сплошные неудобства, и, как следствие, активное недовольство.

Весть о строительстве «Неваляшки» местные жители дружно восприняли в штыки. Причины этой бурной неприязни для Михаила так и остались тайной, поскольку ничего хоть более или менее ценного на месте будущей многоэтажки отродясь не бывало. Было бы понятно, если б обитатели района лишились любимого продуктового магазина, жалели бы снесенный благо-

устроенный сквер или хотя бы возмущались тем, что перенесли удобную автобусную остановку — так ведь нет, ничего такого не было и в помине! Просто заброшенный пустырь.

Первый натиск возмущенных аборигенов — преимущественно пенсионеров — строители «Неваляшки» пережили еще на нулевом цикле, при закладке фундамента. Забор, огораживающий территорию стройки, несколько раз пытались сломать или повалить, а когда не вышло, какие-то «народные умельцы» исписали его агрессивными нецензурными посланиями, адресованными строителям, сопроводив их соответствующими иллюстрациями. И это еще цветочки, кроме забора, было много всего другого: и коллективные письма во все возможные и невозможные инстанции с многочисленными подписями жильцов, и жалобы в полицию, которая в самое неожиданное время наносила визиты с целью проверки документов, и даже пикеты с транспарантами.

Один особо упорный дедок дошел до того, что объявил в знак протеста голодовку, расположился на пустыре у стройки в старой брезентовой палатке, видимо, чудом сохранившейся со времен его походной молодости в оттепельные шестидесятые, и потребовал вызвать к нему телевидение. Но телевидение так и не приехало, зато начались дожди, за пару дней палатка насквозь промокла, и захворавший «протестант» благоразумно убрался восвояси. Впрочем, «идейную борьбу» он не прекратил и дома. Не дождавшись корреспондента центрального телеканала, дал возмущенное интервью стажерке районной газеты. На какие-такие шиши «они» строят эти свои шикарные дома? Не для простых

ведь людей, а для «новых русских»! Он, дедок, уже который год не может со своей пенсии на приличный телевизор накопить. А тут еще этот небоскреб у него прям под окнами вылезет, все солнце ему перекроет!

В общем-то, в этих словах была некоторая доля истины, окна дедушкиной квартиры и впрямь утыкались в «Неваляшку». Так что полная юного энтузиазма стажерочка попыталась развернуть целую кампанию, но Еремин, узнав об этом, лишь усмехнулся. Он всегда знал: если в какой-то момент тебе стало тяжело идти по жизни — значит, ты движешься по ней вверх. Он не сомневался, что выйдет из этой борьбы победителем. Уж больно неравны силы: где глава концерна «БилдСтрой» — и где начинающая журналистка из районной многотиражки. Так, разумеется, и получилось. Соответствующая инстанция посмотрела сквозь пальцы на некоторые небольшие нарушения. Да, действительно, в соседних домах стало немного темнее, и прежнего обзора нет — зато сотни людей получают крышу над головой. В общем, этот вопрос утрясли, и больше он Михаила не тревожил. Сейчас его заботило совсем другое: Сидоренко, прораба с «Неваляшки», необходимо было срочно перебросить в Мытищи, на другой авральный объект. Сидоренко — человек проверенный и опытный, он, бог даст, сумеет наладить работу в Мытищах, где стройка только началась, а уже все не ладится и идет кое-как. Но тогда получится как в старой поговорке про короткое одеяло, потому что в Вешняки нужно будет быстро подыскать достойную замену Сидоренко, а где ее взять? Имелся у Михаила один человек на примете — по рекомендации родственника, но справится ли он?

Почувствовав, что начинает волноваться, Еремин несколько раз глубоко вздохнул. Глубокий вдох и медленный выдох, вдох — выдох... Тоже помогает, между прочим. По крайней мере, удастся взять себя в руки и установить контроль над ситуацией. Ведь только от тебя зависит — ты будешь решать или обстоятельства.

Пробка, наконец, рассосалась, и к девяти утра Михаил Викторович все-таки добрался до работы. Водитель собирался, как обычно, въехать на территорию офисного центра, но шеф остановил его:

— Высади-ка меня у входа. Немного пройду.

Ему и впрямь захотелось чуть-чуть подвигаться, размять ноги после долгого сидения в замкнутом пространстве. Михаил вышел из машины, вдохнул полной грудью свежий, не испорченный кондиционером воздух, оглянулся по сторонам. Пасмурное утро вступало в свои права, легкая туманная влажность мягко окутывала деревья и здания и сгущалась серой дымкой у блестящих мокрых крыш.

Еремин миновал пропускной пункт, кивнув почтительно вытянувшимся в струнку дежурным охранникам, неторопливо пересек двор офисного центра и поднялся по ступеням на широкое округлое крыльцо, затененное козырьком, покоящимся на двух колоннах. Сенсорные двери приветливо распахнулись перед Михаилом Викторовичем, впуская его внутрь здания. Он направился к лифтам. Встав у дверей в ожидании свободной кабины (на этот момент все лифты отчего-то собрались в районе десятого этажа, будто у них там проходило рабочее совещание), шеф не без удо-

вольствия отметил, как сотрудники, узнав его, почтительно замолкают, вежливо здороваются и норовят посторониться, пропуская его вперед. Он мысленно сказал себе: «Подними голову повыше и держи нос по ветру. А теперь глубоко вдохни и почувствуй — это волшебный запах успеха!»

Михаил Викторович огляделся. Толпа у лифтов собралась уже немалая, некоторые были Еремину знакомы, как, например, стоявшая рядом с ним высокая колоритная брюнетка в обтягивающем платье, подчеркивающим ее роскошные формы. Михаил помнил, что она работает в отделе снабжения и зовется Ангелиной.

Слишком долго и пристально смотреть на декольте Ангелины было неприлично, и потому взгляд Еремина отправился блуждать дальше и переметнулся на двух топтавшихся рядом строителей. Эта парочка в выдавших виды форменных комбинезонах, которую невесть каким ветром занесло в головной офис, смотрелась на фоне дресс-кодированного «офисного планктона» в галстуках и отглаженных рубашках нелепо, как килька в томате на блюде с пирожными. И этот контраст чувствовали обе стороны. Клерки брезгливо морщились и старались держаться подальше от строителей, точно боясь запачкаться об их рабочие робы. Строители, в свою очередь, выказывали свое пренебрежение к «белым воротничкам» и разговаривали демонстративно громко.

— Я ей говорю: «Вашей маме зять не нужен?» — рассказывал складный, дочерна загорелый парень, совсем молодой, лет, максимум, двадцати — двадцати двух. — А она смотрит на меня вот такими глазами! Точно на монстра из этого фильма, как его...

— Дык чему ты удивляешься? — хмыкнул его собеседник. Ему можно было дать все пятьдесят, а то и больше — лицо в глубоких морщинах, а ежедневные «сто грамм» в честь конца смены добавили синюшных красок к портрету. — Она небось тоже какая-нибудь секретутка из офиса. Вот и думает: чего этот чумазый ко мне липнет? Кто он такой?.. Я-то вся из себя расфуфыренная, чистенькая, надушенная — как он со своим цементом под ногтями ко мне в китайские трусы полезет...

— Да я получаю в два раза больше ее, а то и в три, — горчился парень. — Я бы ей самые крутые трусы купил. А то и вообще посадил бы дома. Пусть себе сериалы смотрит, борщ варит да детей растит. А деньги я уж как-нибудь сам заработаю.

— Не, — покачал головой старший. — Скажу тебе: это последнее дело — бабу с работы выдергивать. Очумеет от скуки дома, начнет к тебе прикапываться. Где был, с кем, да когда придешь, да чего бухой, да чего денег так мало... Помяни мое слово. Я, когда молодой был, точно так и облажался. Надька заныла, мол, надоело мотаться на другой конец города, я сдуру и говорю — увольняйся. А через полгода прямо взвыл, такую плешь она мне проела. И я тогда, не будь дурак, определил ее в цветочный магазин — букеты заворачивать. Враз человеком стала. С утра встает, красится, наряжается, будто на свиданку собирается. Я шучу — ты кого, мол, охмурять собралась, паразитка? А она мне этак обиженно — у меня работа, мне нужно выглядеть соответственно. А так сидела дома, клуша клушей, в халате да тапках, целыми днями нечесаная. Только толстела да меня пилила...

Невольные слушатели «откровений из народной жизни» страдальчески поднимали глаза вверх на индикаторы движения лифтов и изо всех сил делали вид, что не слышат этих разговоров. Наконец их терпение было вознаграждено: одновременно спустились сразу два просторных лифта и повезли мучеников наверх.

В кабине Михаил Викторович стал свидетелем уже совсем других разговоров. За его спиной женский голос негромко, но довольно живо рассказывал:

— ...так вот, в этой книге мне попались замечательные слова: «Если тебе скучно и давно не было проблем — тебе обязательно надо влюбиться! А если проблемы не нужны, оставь это гиблое дело». И я подумала: как это верно сказано, как верно! Действительно, иногда позволяй логике и здравому смыслу побороть обманчивые чувства...

Стоявший рядом с Михаилом низкорослый молодой человек с аккуратной бородкой сердито что-то выговаривал вполголоса нескладной девице, бывшей выше его на голову. Девица виновато опускала глаза и краснела, принимая начальственный нагоняй. А в это же время на глазах у Еремина происходил другой, безмолвный, но столь же исполненный внутреннего драматизма диалог: две до блеска отполированные дамочки под тридцать напряженно исследовали внешность друг друга. Дотошно оценивалась каждая деталь, от туши для ресниц — не дай бог, ресницы слипнутся — что скажут девочки в отделе? — до туфель. Уж не Маноло ли Бланик? А подвеска, неужели от Тиффани? Ну, сумочка-то понятно, Виттон.

У каждой работницы офиса должна быть сумка Виттон, это вопрос чести. Девушка может путать Ван Гога с Ван Даммом, считать, что Ангара — это курорт в Турции, и уверять всех, что супругу Пушкина звали Наташей Ростовской, и ей это простят. Но не иметь сумку Виттон — это верх неприличия!

Михаил только усмехался, глядя на эту безмолвную дуэль. Сам он считал, что стремиться к общим, универсальным стандартам внешности — безумие.

Кабинет Еремина находился на двенадцатом этаже. Таня, секретарь-референт, как всегда, была уже на месте и, как всегда, приподнялась, увидев шефа. Она напоминала ему в такие моменты школьницу-отличницу, которая дисциплинированно встает, когда в класс входит учитель.

— Доброе утро, Михаил Викторович!

— Доброе, Танечка, доброе. Будь любезна, свари-ка кофейку, да позови ко мне Ковальчука.

Войдя в кабинет, он первым делом распахнул окно — пусть кабинет проветрится. Свежий воздух Еремин любил, и даже то, что на дворе было прохладно — осень в этом году пришла в Москву четко по расписанию, — его не смущало. Станет холодно — можно и закрыть. Повесив куртку на плечики и убрав ее в шкаф, Михаил Викторович удобно устроился в кожаном кресле и открыл ноутбук. Вскоре дверь приотворилась, и в проеме показалась лысеющая голова директора по персоналу.

— Вызывали, Михаил Викторович?

— Да, Андрей, входи. — Еремин кивком указал Ковальчуку на кресло для посетителей. — Хотел поговорить с тобой насчет Вешняков...

— С отделочниками все в ажуре, — заверил Андрей. Судя по всему, он был очень рад возможности похвалиться перед начальством, аж лысина заблестела от удовольствия. — Штат полностью укомплектован.

— Это отлично, — кивнул Еремин. — Но тут, понимаешь, такое дело... Я уж крутил, прикидывал и так, и этак... Все равно придется прораба из Вешняков на другой объект перебросить. В Мытищи.

— То есть как это? — вскинул брови Ковальчук. — А с Вешняками как же?

— Другого поставим.

— Михал Викторыч, — взмолился директор по персоналу, — где же я сейчас другого прораба возьму? Да еще такого, как Сидоренко? Он же у нас лучший, такие на вес золота, можно сказать.

— Расслабься! — Еремин сделал успокаивающий жест. — С этим уже все решено, у меня есть человек на примете. Меня за него брат двоюродный попросил. Серега всю жизнь на флоте, вот и хлопочет за своего бывшего сослуживца.

Михаил отметил застывшее на лице собеседника уважительно-заинтересованное выражение и продолжил:

— Парня этого зовут Георгием Капитоновым. Его из-за какого-то происшествия списали на берег. Вовка клянется-божится, что ничего криминального — просто так обстоятельства сло-

жились. Очень просил за него. Говорит, мужик толковый, энергичный и весьма надежный — не подведет. Встречался я с этим Капитоновым тут на днях — по виду парень и впрямь толковый. Я подумал-подумал и решил: назначим его прорабом в Вешняки. Специального образования у него, конечно, нет, но дело знает — держал свою фирмочку, которая занималась ремонтами. Он к тебе в одиннадцать придет, ты уж не тани там с оформлением. Времени вообще нет.

— А справится он? — покачал головой Ковальчук. — Все-таки отделка многоэтажного дома — это не ремонт квартирки...

— Будем надеяться, что справится, — заверил Михаил Викторович. — Все осуществимо. А если кажется неосуществимым, то просто потребует чуть больше времени и усилий.

Некоторое время директор по персоналу сосредоточенно молчал, машинально поглаживая лысину.

— Может, вы и правы, — задумчиво проговорил он после долгой паузы. — Может, это и хорошо, что он с флота. На флоте дисциплина — первое дело, а дисциплина нашему, извините за выражение, контингенту очень нужна. А эти наши... горе-строители из Средней Азии, Молдавии или даже из Украины... Норовят ничего не делать, а деньги любят получать. Чуть отвернешься — всю стройку разворуют и из-под полы продадут на сторону.

— Ой, Андрей, кончай ты со своим шовинизмом, — поморщился Михаил Викторович. — Все мы одинаковые, что из Украины, что из Средней Азии, что нерусские, что русские... Да и что такое — русские? Как говорил великий классик, в народе нашем